

Продолжаем начатую в № 47 публикацию материалов, посвященных истории Средней специальной музыкальной школы Санкт-Петербургской консерватории. Автор и координатор проекта Д. Ю. Брагинский, редакция

Elena SEMISHINA “You’ll grow up and will be able to do anything”

Елена СЕМИШИНА «Ты вырастешь — и все сможешь»

Дмитрий Брагинский. Елена Вениаминовна, насколько мне известно, вы учились в школе-десятилетке не с первого класса...

Елена Семишина. Я родилась на Волге, в городе Капустин Яр — это недалеко от Астрахани. Там служил мой отец. В моей семье нет музыкантов. Отец — физик, а мать — химик, и, конечно, склад моего ума был математический, я обожала математику и была лучшей ученицей в математической школе. Одновременно с этим я очень любила музыку и могла часами сидеть за инструментом, но не просто играть, а сочинять. Из Астраханского училища однажды приехал педагог, Станислав Константинович Бакулев, который учился в свое время в Ленинградской консерватории у Натана Ефимовича Перельмана. Он просто пришел в нашу музыкальную школу, и учительница представила ему меня: «вот послушайте, какая у нас есть девочка». Станислав Константинович послушал мои сочинения. Он не поленился и узнал, где я живу, пришел к моим родителям и сказал, что меня нужно обязательно везти в Ленинград. Наверное, в то время я не отдавала себе отчет, что я люблю больше — музыку или математику. Но моим родителям было все ясно в математике, химии и физике, а музыка им казалась чем-то необыкновенно высоким, и они

Interview with E. V. Semishina, a professor and the Head of the Department of Chamber Ensemble of the St. Petersburg Conservatory, a graduate of the Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory (1973). Elena Semishina tells about the beginning stage of her musical biography, school teachers and classmates, looks back on the high points of those years, and shares her thoughts on the teaching methods.

Keywords: E. V. Semishina, S. M. Vulbrum, N. N. Naumova, M. V. Shapiro, A. Y. Zhukovskaya, L. I. Zelimchan, G. L. Sokolov, G. P. Fedorova, N. E. Perelman, O. Y. Malov, the Secondary Special Music School of the Leningrad (Saint Petersburg) Conservatory.

Беседа с профессором, заведующей кафедрой камерного ансамбля Санкт-Петербургской консерватории, выпускницей консерваторской школы-десятилетки 1973 года

Е. В. Семишиной. Елена Вениаминовна рассказывает о начальном этапе своей музыкальной биографии, о школьных учителях и одноклассниках, вспоминает о ярких событиях тех лет, размышляет о методике преподавания.

Ключевые слова: Е. В. Семишина, С. М. Вульбрум, Н. Н. Наумова, М. В. Шапиро, А. Я. Жуковская, Л. И. Зелихман, Г. Л. Соколов, Г. П. Федорова, Н. Е. Перельман, О. Ю. Малов, Средняя специальная музыкальная школа Ленинградской (Санкт-Петербургской) консерватории.

решили отдать меня в музыку. Таким образом я оказалась здесь.

Конечно, мне было не просто. Я не привыкла столько заниматься, поскольку обычно делала то, что хотела: хочу сочинять — сочиняю. Я любила сочинять, для меня суть музыки заключалась в ее сочинении. Один год до поступления сюда я училась в Ташкенте, где жила моя бабушка. Там есть такая же школа-десятилетка, и когда мы летом приезжали туда с папой, то я показывала педагогам свои сочинения, и меня пригласили учиться. Так я прожила в Ташкенте целый год у бабушки. Потом там случилось землетрясение, и папа меня сразу же забрал и привез в Ленинград. Здесь никого не интересовали мои композиторские способности, и надо было хорошо играть. Но мне очень повезло: в Ташкенте я училась у замечательного педагога, Серафимы Матвеевны Вульбрум. Поскольку во время войны в Ташкенте жила вся наша консерватория, там образовалась хорошая школа. Серафима Матвеевна в то время, когда я у нее занималась, была уже очень пожилой женщиной и в десятилетке уже не преподавала, но жила на одной улице со мной, и нужно было только перейти дорогу, чтобы прийти к ней на урок. Она сказала, что научит меня играть за два месяца. И научила. Каждый день до школы я приходила

ХАРАКТЕРИСТИКА УЧАЩЕГОСЯ:

Активный студент. Хорошо знает математику, хорошо знает русский язык. Нет опыта участия в конкурсах.
Активный студент. Участвует в мероприятиях, Математический олимпиада.

РЕЗУЛЬТАТЫ ГОДОВЫХ ИСПЫТАНИЙ

Программа	Отзыв и оценка
Бих-Андали и Фуга (10 класс)	Сделала хорошие
Польский (10 класс)	Успехи. Есть хорошие
Бетховен - Соната № 3 (II и III)	педагогическая работа
Черни - Вальс	тема. В исполнении
Моцарта - Вальс в до мажор	есть музыкальность,
Людвиг - Баркаролла	естественность. В данной
	программе работа
	судлива.
	Великий Учитель В. Купце

к ней заниматься, потом шла в школу. После школы мне не нужно было дома учить уроки — они как-то сами готовились (у меня была хорошая память), поэтому я сразу садилась заниматься. Бабушка ставила мне часы и говорила: «Вот через три часа ты встанешь». Это был для меня нож в сердце, но деваться было некуда. После этих домашних занятий я опять шла к Серафиме Матвеевне и показывала ей, что выучила. Через два месяца таких занятий меня никто не узнавал. Поскольку композиторские амбиции никуда не делись, Серафима Матвеевна соединила их с фортепиано и заставляла меня сочинять разные этюды и пьесы.

Первой моей школой в Ташкенте была математическая школа, и поэтому по приезде в Ленинград в 1966 году я все же думала, что больше не буду заниматься музыкой и уйду в математику. Землетрясение случилось в апреле, и мы сразу переехали, поэтому моя программа по специальности была еще в достаточно сыром виде, и к поступлению я не была до конца готова. Однако я поступила, но ниже на класс, в пятый, к Александре Яковлевне Жуковской. Я поняла, что если играешь на рояле и хочешь на нем играть хорошо, то нужно заниматься именно так, как с Серафимой Матвеевной. Но здесь я была предоставлена сама себе и больше никогда столько не занималась, разве только уже после окончания консерватории, когда поняла, что жизнь проходит, и если я в аспирантуре не засяду за инструмент, то никогда в жизни ничего не наверстаю.

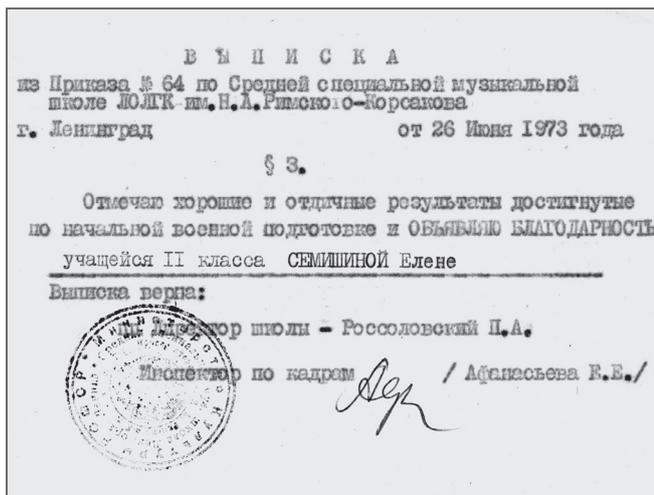
У нас был сильный класс. Однако два класса до нас, постарше, были вообще необычайными. Там учился Валерий Сигалевич, Павел Гилилов и другие. На нас, как мне кажется сейчас, по прошествии времени, уже произошел какой-то слом: мы хорошо играли, но не так, как они, а после нас стало еще грустнее. А еще у нас были замечательные педагоги...

Д. Б. Давайте о них и поговорим.

Е. С. Поскольку я сама педагог, то часто думаю, почему выходило так, что я в школе никогда не делала уроки, но при этом все знала. Я не учила сольфеджио, не учила гармонию, не читала ни одного учебника по литературе... Литературу преподавала Нелли Наумовна Наумова, которая заставляла нас просто читать книги и рассуждать о них, и все наши занятия строились на индивидуальных разговорах (нас в классе было одиннадцать человек): что мы думаем по поводу того или иного героя. Конечно, сначала она рассказывала об авторе, о произведении, но дальше ценилось, когда у нас в голове вертелись свои собственные мысли. По истории учебник мы, конечно, открывали, потому что это все-таки фактологический материал, который надо было знать.

Нелли Наумовна ушла, когда я была в десятом классе. Тогда пришли новые педагоги, и нам стало невероятно скучно. Но до этого нам давали все необходимые знания. Если ты хочешь знать больше и это сфера твоего интереса — читай, развивайся, но есть основополагающие вещи, которые мы узнавали на уроках. Мы не были перегружены информацией, но знали самое главное. То же самое касалось музыкальных предметов. Ни у одного человека в классе не было проблем с сольфеджио и гармонией. Муза Вениаминовна Шапиро так нас учила, что мы знали все, что нужно. Занимались группами по пять-шесть человек, — класс был поделен на две части, — собирались вокруг рояля, всё воспринимали на слух. Сейчас мои студенты не знают элементарных вещей по сольфеджио и гармонии, хотя с них везде требуют гораздо большего. Невозможно двигаться в сторону расширения, если нет базы. То же самое можно сказать и о специальности...

Д. Б. А как учила Александра Яковлевна Жуковская?

Е. С. Она тоже учила основополагающим вещам, которые нужно прививать в школе. Например, правильной постановке рук, владению всеми видами техники. Проходили репертуар не тот, «который я хочу», «Мефисто-вальс» и подобное, а, например, этюды Мошковского: один на отработку движения, чтобы локоть отводить, следующий — на пальцевую технику, еще один — на крупную технику, скажем, октавы. Программа была продумана так, чтобы постепенно осваивались и укреплялись все технические навыки. Причем материал давался не самый высокохудожественный, а такой, чтобы все было освоено и встало на свои места. Только потом, ближе к десятому классу мы начинали играть по-настоящему художественные произведения, например, Шопена. До этого — даже не смей думать! Скерцо и баллады играли единицы, те, у кого уже не было технических проблем. Лия Ильинична Зелихман, у которой был потрясающий класс, имела возможность задавать своим ученикам произведения повышенной технической сложности, но все равно это разрешалось не всем подряд.

Это, конечно, нас ограничивало в какой-то степени: например, на первом курсе я почувствовала, что не совсем еще готова играть такие произведения, потому что мало их играла раньше. Но это длилось не более года, пока шло погружение в сложный репертуар, потому что на выходе из школы я не имела никаких технических сложностей и не имею их до сих пор. Не бывает так, что здесь зажалась рука, а тут не получился скачок, — я просто знаю, как с этим справляться, на уровне инстинкта. Может быть, если бы я была немного усерднее, то могла бы многое играть, но «может быть» в нашем деле — не считается. Только в аспирантуре я стала заниматься так же, как в четвертом классе в Ташкенте, поставив себе определенные задачи.

Д. Б. Ваш класс был дружным?

Е. С. Если честно, мне сложно об этом сказать, потому что я особенно не помню класса Александры Яковлевны. Помню только Володю Сулова, который учился на два-три года старше меня. Володя входил в число тех,

кто каждый год участвовал в концерте своего класса, играя полное отделение. Он выделялся: это был взрослый, глубокий человек, а мы по сравнению с ним казались детьми.

В основном, мы жили жизнью интерната. Там обитало много звезд, например, пианист Сергей Осипенко или альтист Владимир Стопичев. Когда я сейчас смотрю в консерватории на контингент педагогов, то восемьдесят процентов из них — те, кто в школьные годы жил в интернате.

Д. Б. И даже, если посмотреть на список членов Ученого совета, две трети из них — тоже из «десятилетних»...

Е. С. Поэтому жизнь в интернате в кругу талантливых людей — это очень много значило, больше, чем общение со своим классом. Мои подруги — из интерната, например, скрипачка Лариса Габышева, которая сейчас живет в Якутске (она оттуда родом) и является там ведущим педагогом. Мы с ней встречаемся сейчас больше на конкурсах. Или Надежда Сергучёва, которая тоже приехала из Якутии, сейчас живет в городе Лодзь, в Польше.

У меня сохранилось много фотографий, в том числе выпускное фото класса. Вот Ирина Кузнецова, Ирина Оборенко (работает в училище имени Римского-Корсакова), Елена Тургель, Елена Мочкина, Александр Радвилович, Александр Хазанов, Андрей Шустов, Людмила Синяговская. Это Маргарита Сергеевна Пескарева, наша классная руководительница. Есть почти случайное фото, где я вместе с Мариной Вениаминовной Вольф и ее ученицами из моего класса — Ирой Оборенко и Людой Синяговской. Все люди вокруг были со своей изюминкой и обязательно потом себя проявляли в жизни, причем не только в музыке. Были случаи, когда выпускники десятилетки поступали в медицинские вузы или уходили в химию, потому что очень ей увлекались. И, как мы уже говорили, большинство педагогов Ленинградской — Петербургской консерватории когда-то оканчивало нашу школу. Не только педагоги, но и концертмейстеры тоже, хотя в последнее время появилось больше тех, кто приехал из других городов. Также консерватория пополнялась выпускниками училища. Они почему-то всегда вели себя взрослее, чем мы, окончившие школу.

Д. Б. Какие концерты школьных лет особенно врезались в память?

Е. С. Первое, что остается в памяти, — бесконечные концерты классов Александры Яковлевны Жуковской, Лии Ильиничны Зелихман. У Лии Ильиничны учился Григорий Соколов, звезда недосягаемого масштаба. Я хорошо его помню после конкурса: он стал лауреатом в тот год, когда я поступила (1966). Помню его концерты...

Д. Б. Расскажите подробнее, пожалуйста, о концертах Г. Л. Соколова.

Е. С. Хочу рассказать об одном концерте. Григорий Соколов играл в Большом зале школы. Мы все сидим в зале, и вдруг гаснет свет. Темнота кромешная. И Гриша не останавливается ни на одну минуту, он продолжает

«Ты вырастешь — и все сможешь»

играть в полной темноте. Через несколько минут свет загорается, а музыка так и не прекращается. Я была тогда примерно в пятом классе...

Д. Б. То есть, это были его концерты вскоре после конкурса имени П. И. Чайковского?

Е. С. Да, именно так. Вообще, в классе Лии Ильичны Зелихман были сплошные звезды, поэтому все ходило на такие концерты.

Возвращаясь к тому, как учили раньше... Возьмем, например, мой предмет — ансамбль и концертмейстерский класс. Он в наше время преподавался схематично...

Д. Б. А кто в ваше время вел ансамбль?

Е. С. Нелли Рафаиловна Склярская тогда уже преподавала, также Нина Николаевна Арнольди, Ксения Александровна Куницына, у которой училась я (она также вела специальное фортепиано), Елена Ивановна Кроль.

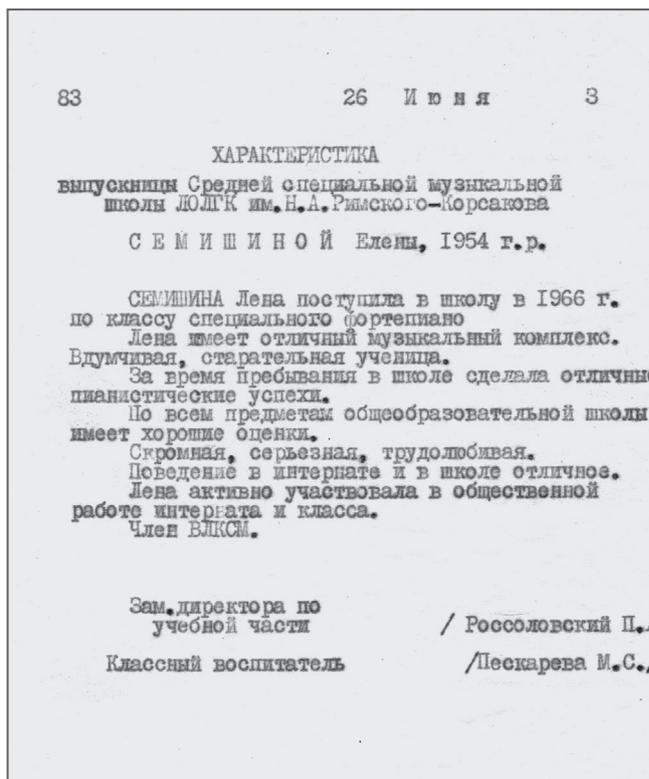
Д. Б. С кем в школе вы играли в камерном ансамбле?

Е. С. Я играла с Женей Орловым, скрипачом. Ничего не знаю о его судьбе. Потом я всю жизнь играла с Сергеем Азизяном. К сожалению, он недавно умер.

Мой предмет в десятилетке преподавался, как я уже сказала, схематично. Мы играли какое-то одно произведение в десятом классе и одно в одиннадцатом. На первом месте был специальный инструмент. А сейчас жизнь поменялась, пришли другие стандарты, и стали очень много заниматься камерным ансамблем. И эти изменения оказались полезными, когда школьник довольно рано начинает играть в ансамбле, причем мои ученики сейчас играют в школе примерно такие же программы, как потом в консерватории. А вот что происходит сейчас с сольфеджио и гармонией, я не знаю. Мы учились у Музы Вениаминовны Шапиро и знали по ее предмету все, что только возможно, и вопросов при поступлении не было никаких: пришла на экзамен, все написала и ушла, хотя никогда не была в школе в первых рядах.

Д. Б. К кому вы поступили в консерватории?

Е. С. Поскольку я никогда не проявляла особых амбиций, то перед поступлением ни к кому не ходила на консультации. Александра Яковлевна тоже говорила: «Как поступит, так и поступит». И когда я поступила, то была распределена в класс Галины Петровны Федоровой, замечательного специалиста. Я очень ее люблю, и у меня сохранились с ней хорошие отношения, но проучилась я у Галины Петровны всего два года. Мне стало скучно, поскольку она меня учила тому, чему уже научили в школе, хотя мы замечательно проводили время, например, ездили на выездные концерты в Псков. Когда я стала думать, у кого бы еще поучиться, перейти к кому-нибудь из ведущих профессоров было уже сложно, поскольку классы были заняты. Мне был интересен Натан Ефимович Перельман, он завораживал меня своей игрой, но я понимала, что он меня не возьмет. Тогда возникла мысль пойти к кому-либо из его учеников, чтобы иногда общаться и с ним самим. И я выбрала Олега Юрьевича Малова, потому что его пальцевая техника — очень специфическая. И это было как раз то,

чем я плохо владела. Кроме того, Олег Юрьевич — очень умный человек, а у меня была жажда новых познаний. Он меня взял с удовольствием, будучи тогда молодым человеком, только пришедшим после аспирантуры.

Д. Б. Вам необходимо было снова погрузиться в творческую обстановку, которая была в школе...

Е. С. Да, причем в школе она была разнообразная, не только музыкальная. Я помню девочек постарше, которые изумительно писали стихи и читали их нам, маленьким, когда мы приходили к ним в комнаты. Я не помню уже фамилий, но вот, например, одна из девочек совершенно замечательно писала стихи и потом поступила на филологический факультет, не осталась в музыке. В школе у нас были настоящие постановки и киноспектакли. Нелли Наумовна, учительница литературы, ставила спектакли, в которых играли ученики. В них участвовало, например, поколение Михаила Боярского. Мы — маленькие — были в полном восторге. И совершенно неважно, сколько нам было лет, важна сама атмосфера. Например, я училась в пятом классе, а Валя Карлов — в одиннадцатом. И он приходил на танцы, которые устраивались в школе, и всех маленьких держал за руки, и они чувствовали себя взрослыми. И спектакли были очень интересные: ребята сами рисовали декорации. Все это производило огромное впечатление, казалось, что если они так могут, то и ты сам все можешь. Ты вырастешь — и все сможешь. У меня это ощущение осталось надолго: если я буду что-либо делать, то я это смогу.

С. Е. В. Семининой беседовал
Д. Ю. Брагинский